

Елена Арсеньева

Бориска Прелукавый (Борис Годунов, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Преступления страсти. Жажда власти

Елена Арсеньева

Бориска Прелукавый
(Борис Годунов, Россия)

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Бориска Прелукавый (Борис Годунов, Россия) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Жажда
власти)

ISBN 978-5-699-28825-0

«После смерти второй своей жены, Марьи Темрюковны, до крещения званной княжной Кученей Черкасской, большой распутницы, за распутство и убитой по царскому приказу, Иван Васильевич Грозный задумал снова жениться. И если Кученей приглядел он на охоте, там же и спознался с ней блудным делом, а уж потом повел под венец, то на сей раз он решил сделать уступку старинному чину и устроить выборы невесты по всем правилам...»

ISBN 978-5-699-28825-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Елена Арсеньева Бориска Прелукавий (Борис Годунов, Россия)

После смерти второй своей жены, Марьи Темрюковны, до крещения званной княжной Кученей Черкасской, большой распутницы, за распутство и убитой по царскому приказу, Иван Васильевич Грозный задумал снова жениться. И если Кученей приглядел он на охоте, там же и спознался с ней блудным делом, а уж потом повел под венец, то на сей раз он решил сделать уступку старинному чину и устроить выборы невесты по всем правилам.

Девок свезли в царские хоромы – видимо-невидимо! Две тысячи красавиц явились со всей страны. В Александровой слободе яблоку негде было упасть от красавиц, у стрельцов да охранных опричников глаза были навывкате и разбегались в разные стороны, не ведая, на которую раньше глядеть.

Девки спали по двенадцать душ в комнате, чуть ли не по трое на лавке. Потом число невест поуменьшилось. Иван Васильевич безжалостно отворачивался от непривлекательных. Не любил он, к примеру, тощих...

А между тем при сватовствах и смотринах случались самые удивительные обманы. Невеста – товар, ну и, как при продаже всякого товара, дело редко обходилось без плутовства. Больную и бледную румянили, сухопарую превращали посредством накладок в толстуху. Конечно, вряд ли кто решился бы на подлог на государевых смотринах, однако береженого Бог бережет, думал Иван Васильевич. И как в воду глядел!

Одна девушка ему с первого взгляда приглянулась. Очень красивые, точеные черты, коса спелая. Однако странным казалось ее почти бабье дородство при махоньком личике. Почуял неладное не один государь – только что в кулак не прыскал, глядя на красавицу, и молодой насмешник Борис Годунов, приведенный своим тестем Малютою Скуратовым ко двору и сразу пришедшийся царю по нраву. Еще недавно состоял Бориска при царском саадаке (саадак – лук со стрелами), а теперь сделался рындюю (телохранителем, оруженосцем).

Иван Васильевич велел раздеть красавицу и увидел, что второй столь сухороброй девицы не отыщешь. Ох, сколько на нее навздевано было да накладок подложено!

Борис Годунов просто-таки под лавку от смеха закатился, и все дело вполне могло бы окончиться смехом, когда бы дядька невесты, дворецкий Лев Салтыков, не спятил от позора и не начал орать, что племянницу-де его, славную статью и дородством, испортили в одночасье уже в Слободе, что Скуратов имеет свои виды на государя и прочит ему свою родственницу Марфу Собакину, а остальных девок портит.

Малюта лишился дара речи. Даже глядеть на него было жалко! Иван Васильевич понял, что обвинения Салтыкова имеют под собой некоторое основание, однако не разгневался на верного друга, а дал себе слово повнимательней поглядеть на эту Марфу.

И вот царь оказался перед ней...

Девушка покачнулась, когда царь подошел, и заслонила рукавом. Откуда ни возьмись налетела жена Малюты, Матрена Тимофеевна, красивая сорокалетняя баба с хищным, густо набеленным и нарумяненным лицом, вцепилась в руку Марфы, принялась яростно гнуть вниз, чтобы открыть лицо. Тут же вьюном вилась Марья Григорьевна – бывшая Бельская, теперь Годунова, старшая дочь Малюты, как две капли воды похожая на мать. Змеей шипела на Марфу – помнила, как с некоторых пор злили государя неуместные проявления девичьей скромности...

Тут недавно была одна такая, именем Зиновия Арцыбашева. Строила из себя недотрогу – спасу нет: когда государь пожелал взглянуть на ее неприкрытую статью, лишилась чувств. Так ее

и раздевали – беспамятную. Сложением Зиновия отличалась бесподобным. В глазах государя вспыхнул явный интерес, а стыдливость девушки его поразила и растрогала. Несколько раз повторив ее имя, как бы боясь забыть, он сказал, что в тот день больше никого смотреть не будет, пусть-де Зиновия очнется, а завтра он с ней побеседует.

Однако среди ночи стража обнаружила ту скромницу валяющейся под лестницей непробудно пьяною, с задранной на голову рубахою да с окровавленными чреслами. Девушка крепко спала, насилиу добудились. Наутро она знай бессмысленно улыбалась, пока ее сажали вместе со всем барахлишком на грязную телегу да с позором отправляли домой. Так и уехала из Александровой слободы, ничего не поняв, что с ней приключилось, не вспомнив, с кем пила, с кем блудила. Охальника найти не удалось. Но с тех пор Иван Васильевич видеть не мог, когда девки начинали строить из себя черт знает какие невинности...

Наконец Матрене и Марье удалось открыть Марфино раздумывавшееся личико. Оно было прелестно.

Иван Васильевич умилился: ну что за чудесная девчонка! Она напоминала белый колокольчик, сбрызнутый росой. Сходство усугублялось тем, что точеный, чуть вздернутый носишко покрылся испариной, словно росинками.

– Довольно смотрин, – сказал царь, протягивая к Марфе руку.

Матрена Бельская тотчас же сообразила, в чем дело, проворно сунула ему в ладонь прохладные девичьи пальцы, и Иван Васильевич осторожно сжал их:

– Выбрал я. Быть тебе, Марфа, дочь...

– Коломенского дворянина Василья Собакина, – опередив онемевшего мужа, вперед снова высунулась бойкая Малютина женка.

– Быть тебе, Марфа, дочь Васильева, царицею! – ласково сказал государь.

Марфа хотела что-то ответить, но лишь пискнула слабо...

И настала тишина в просторной, расписной палате, где царь и его третья невеста заворожено глядели друг на друга.

Малюта Скуратов никак не мог прийти в себя от потрясения, что выбор государя палтаки на его родственницу. Ему такое и присниться не могло! Приходилось признать, что жена его в очередной раз оказалась права. Может, и другое ее настояние – непременно отдать дочку Машу за красовитого щеголя Годунова – тоже во благо?

Взгляд Матрены в это мгновение тоже перелетел к зятю. Бориска покосился на тещу таинственным темным оком, вдруг осветившимся потаенной усмешкою. Матрена сжала губы куриной гузкою, чтобы не расплылись в улыбке. Зять был ей чрезвычайно по сердцу! Глупенькая Маша и не понимает, как ей повезло. И не надо ей понимать, не надо... пусть стоит да радуется новому возвышению семьи, а больше ей знать ничего не нужно. Ни ей, ни кому другому... Матрена и на исповеди не проболтается о том, что дерзким «опричником», обесчестившим опасную соперницу Марфы – Зиновию Арцыбашеву, был не кто иной, как милый Бориска. Матрена подсунула девчонке наливочки – не простой наливочки! – Зиновия и обеспамятела сразу, а уж потом Бориска быстренько сделал свое мужское дело. Ну и что? Невелик грех, подумаешь! От зятя небось не убудет, от Машки тоже, а то где бы все они были сейчас, если бы возвысились жадные, будто вороны, Арцыбашевы?

Что не добром начато, вряд ли добром окончится. Породниться с государем Скуратовым-Бельским не удалось: Марфа, отравленная бывшим царским шурином Михаилом Темрюковичем Черкасским, мстившим за свою любимую сестру Кученей, умерла. Но как ни горевал государь, он все же приблизил к себе человека, который так приглянулся ему: зятя Малюты, Бориса Годунова.

Нет – теперь уже бывшего зятя. Малюта погиб на Ливонской войне. Эх, горестно думал Бориска, не вовремя загинул тестюшка на стенах какой-то ливонской крепости, не вовремя осиротил семью. Сразу после его смерти на первое место при государе вылез Богдан Бельский.

Свойственник-то свойственник покойного Малюты, но не преминет ножку подставить, чтобы освободить себе дорогу к душе государевой!

Теперь целью жизни Бориска стало сделаться при царе незаменимым. И, делая вид, что готов на все ради исполнения прихотей властителя, он отчаянно ревновал ко всем, кто был государю ближе и дороже его. Даже к женщинам!

Нет, прежде всего – к женщинам. Ведь Иван Васильевич любил баб, а ночная кукушка, как всем известно, дневную перекукует.

До чего жаль, думал порою Бориска (царь-батюшка не называл его иначе, и Годунов делал вид, что рад этому, как ласковому прозвищу, хотя в «ласке» крылась и насмешка, и пренебрежение крылось), что Господь, а может, бес (к врагу рода человеческого, надо сказать, взывал Годунов куда чаще, нежели к Создателю и Спасителю, ощущая с бесом свое явное духовное родство), до чего, стало быть, жаль, что никто из них не научил человека скидываться существом иного пола. Не то чтобы Бориска женщинам завидовал – вот еще, завидовать этому бесправному, загнанному в терема племени! – однако он порою мечтал влезть в бабью шкуру, чтобы подобраться к самому сердцу государеву, изведать самые тайные его желания, сделаться властителем его дум и помыслов.

Конечно, бабою перекувыркнуться невозможно, однако можно попытаться сделаться ближним лицом государевой избранницы. Или, что еще лучше, самому подсунуть царю эту избранницу.

Но следующую жену, Анну Колтовскую, государь нашел себе сам – можно сказать, на обочине дороги подобрал: Анна шла во дворец с челобитной на опричника-притеснителя. Царь ее чуть конем не стоптал, поднял, увидел прекрасное лицо – и повез с собой во дворец.

Бориска ненавидел Анну Колтовскую за то, что черт ее принес так не вовремя. Ведь еще днем государь заговаривал о желании снова жениться, о грядущих смотринах невесты, и, помнится, Малюта и Борис тогда значительно переглянулись...

Оба не забывали ошеломляющий успех Марфы и те блага, которые посыпались на Малюту после сего замечательного сватовства. Годуновым тоже перепало немало. К несчастью, дело кончилось семипудовым пшиком. Но оба враз подумали об одном и том же: почему бы не попытать удачу вновь? Почему не поискать невесты в собственной семье? Конечно, младшая дочь Малюты, Катерина, только-только родилась, она еще в люльке качается и соску сосет, однако сестре Годунова Ирине скоро четырнадцать, и хоть на смотрины берут девиц с пятнадцати лет, всегда можно как-то исхитриться...

О, какие вспыхнули угарные мечты в голове Бориса! Сразу вспомнились все слухи о почти неограниченной власти, которой обладал Михаил Темрюкович, брат второй царицы. Сразу вообразил себя...

И напрасно, как выяснилось вскоре. Царь женился на Анне, потом погиб Малюта, и Бориска приуныл, сильно приуныл...

Раньше безвылазно сидевший в Александровой слободе, мозоливший глаза царю, он начал чаще наезжать в Москву, окончательно отстроил там себе дом и даже поизбавился от своей заносчивости, стал любезнее в общении, поняв, видимо, что само по себе внимание или невнимание государево еще не делает человека лучше или хуже. А может, просто искал себе новых союзников. Кто его, Бориску прелукавого, разберет!

Московское жильё Годунова находилось не столь уж далеко от Арбата, где проживал царский архиятер, то есть лекарь, Элоизиус Бомелиус (или Елисей Бомелий, дохтур Елисей, как его называли в Московии). Бомелий не любил Александрову слободу и при всяком удобном случае норовил уехать в столицу, чтобы привести в порядок свое жилище, пострадавшее при последнем пожаре и вдобавок изрядно заброшенное за время участия лекаря в недавнем Ливонском походе.

Бомелия в Москве боялись. Ходили слухи, будто он изготавливает лютые ядовитые зелья и подносит их тем, кто стал царю неугоден. Правда то или ложь, сказать никто не мог, однако слухи ходили, что было, то было. Если бы кто-то спросил самого Бомелия, он признался бы (разумеется, если бы захотел признаться!), что отравил одну только Кученей, Марию Темрюковну тож, вторую жену царскую, а вот первую, Анастасию, отравленную врагами государя, пытался спасти, но не смог, зато убийц помог обнаружить, за что пользовался великим доверием царя Ивана Васильевича и расположением его.

А между тем... А между тем опасные, темные слухи о Бомелии бродили по Москве не напрасно. Чутье народное не обманешь. Человек сей принадлежал к ордену иезуитов, и, поскольку орден этот в те времена пытался подчинить себе весь мир, а более всего – неуступчивую, загадочную Россию, Бомелий прибыл сюда с тайным поручением постепенно известить телесно и духовно, с ума свести русского государя. Втершись к нему в доверие, много лет опивал он Ивана Васильевича тонкими зельями, порой доводящими его до приступов душевного и умственного расстройств, и теперь царь даже сам не знал, какие из ужасных, кровавых деяний своих сотворил он по своей буйной воле, а какие – по воле Бомелиевых зелий.

И вот с этим-то опасным человеком Борис Годунов сблизился.

Поскольку Бомелий был не только лекарь знатный, но и звездочет, астролог, очень веривший в звездные предсказания, он немедленно составил гороскоп Годунова. И впервые усомнился в правдивости того, что рисуют течения звезд. Уж слишком большие высоты сулили они царскому рынде, зятю Малюты Скуратова! Хотя... почему бы и нет? Годунов хорош собой, умен, расчетлив, у него прекрасно подвешен язык. Да, он в высшей степени себялюбив, так разве это недостаток? Все, что он ни делал, клонилось к его собственным интересам, собственному обогащению и возвышению.

Относительно недавно – два-три года тому назад – приближенный к царю, он уже усвоил все тонкости обхождения и сделался истинным царедворцем, который умеет терпеливо выжидать – и мгновенно ловить благоприятные минуты, надевать на себя личину всяческих добродетелей и проявлять крайнюю жестокость, почти суровость. Чтобы спасти себя, он пойдет на все, даже на преступление... С другой стороны, разве подобная характеристика не применима почти к каждому представителю рода человеческого? Годунов делал все, чтобы заступить на место любимца государева, освобожденное его кровожадным тестем.

«А вот хотелось бы знать, – подумал с внезапным, острым любопытством Бомелий, – если бы милому Бориске для достижения своей цели потребовалось сделаться вульгарным палачом, убийцей – он пошел бы на это?»

Вопрос был пустой, потому что звезды недвусмысленно сулили черноокому красавчику немалое пролитие невинной крови.

Привыкнув к непосредственности царя Ивана Васильевича, мгновенной смене его настроений, Бомелий почти с удовольствием понаблюдал бы за расчетливым Годуновым, который никогда не поддавался порывам, а действовал, всегда повинуюсь рассудку. С удовольствием понаблюдал бы, вот именно... когда б не ощущение, что Годунов сам является в его дом наблюдать за ним.

Бомелий знал, что, прожив в России почти пятнадцать лет, он все-таки остался – и навеки останется! – для русских чужаком. Даже его венценосный пациент, не подозревавший о глубине своей зависимости от собственного лекаря, относится к нему с доверием – и одновременно с глубокой внутренней настороженностью. И вполне возможно, что именно для государя шпионит Борис, именно к нему бежит потом с Арбата, неся в клювике, словно пташка – ненасытному птенчику, новые сплетни о Бомелии: о том, с каким выражением тот обсуждал, например, царев брак с Анной Колтовской, что говорил о французском недоноске Генрихе Анжуйском, которого поганые ляхи предпочли великому государю московскому и выбрали себе королем. И нет ли у него еще каких-то новостей из-за границы...

Давно почуяв далеко не бескорыстный интерес к себе Годунова, Бомелий к каждому его визиту готовился загодя и всегда имел про запас любопытную новость, способную поразить воображение и царя, и его доносчика, а главное – отвлечь их внимание. Но он и предположить не мог, что именно в его доме Бориска встретится с Аннушкой Васильчиковой. С первого же взгляда почуял Годунов, что Анна Колтовская принесет ему горе, – так оно и вышло. И тоже с первого взгляда он ощутил, что встреча со второй Анной будет иметь в его жизни очень важное, может быть, даже судьбоносное значение.

Девушка эта – с огненно-рыжими волосами и слишком светлыми глазами – была дочерью русского ратника Васильчикова, умершего от ран, полученных еще при взятии Казани. Умерла и жена его, которую за ее рыжие волосы и недобрый взгляд числили в ведьмах. А сироту Аннушку приютили жители Болвановки, Иноземной слободы, которых когда-то Васильчиков спас от вора. Теперь ее называли Анхен, она стала прислугой при постоялом дворе для заезжих иноземцев, который держали ее благодетели. Уродилась Анхен пронырливой да глазастой, ушки всегда держала на макушке, никогда не упускала возможности что-нибудь подсмотреть или подслушать. Язык немецкий она выучила сызмальства, а оттого очень многие секреты постояльцев становились ей ведомы.

И вот как-то раз подсмотрела она тайную встречу Бомелия с каким-то странным человеком, прибывшим издалека. Человек тот был тих и скромненький, одет чуть ли не нищенски, однако влиятельный архиятер государев чуть ли не травой перед ним стелился, особенно когда тот показал ему свой перстень – тяжелый, золотой, с печаткою. На печатке был изображен щит, на нем – лебедь и змея. А до чего смешно гость с Бомелием разговаривал! Приезжий ему: «Ад майорем деи глориами!» Ну и герр Бомелий то же: «Ад майорем деи глориами!»

Анхен рассказала о своих наблюдениях Бориске, с которым стала тайно встречаться. Нет, не для прихотей любовных, даром что она была собой хороша, да и он красавец писанный, они двое мигом почуяли родство душ.

Бориска, человек ушлый и начитанный, сразу сообразил, что означает сей перстень с печаткою. Это ведь знак иезуитов, и Бомелий, выходит, тайный иезуит... Да услышь кто да узнай государь, что ближайший к нему человек, его лекарь, которому он вверяет тело и душу, – представитель ордена, который в России подлежит искоренению, приверженец поганой католической веры, он же своего архиятера в порошок сотрет!

Бориска, впрочем, не ринулся к царю с доносом на Бомелия, а решил приберечь полезные сведения на будущее. Зато не преминул упрекнуть Анхен в болтливости и предательстве своих благодетелей, о тайнах – опасных тайнах! – которых она рассказывает первому встречному.

– Да ты и сам хорош, – ответила та лукаво. – Или любишь кого? Или предан кому? Небось идешь по жизни, как по болоту, тычешь туда и сюда слепо, не попадет ли кочка, на которой можно обосноваться...

Борис тяжело сглотнул.

– Ведьма! – сорвалось с его губ.

Но Анхен не обиделась:

– Не ведьма, а ведьмина дочка. Матушка, беда, рано померла, ничему обучить не успела, однако кое-что я все же помню. Как-то раз она на меня бобы разводила и нагадала: царицею стану. Государыней.

Годунов хмыкнул. Ну как же! Сразу и государыней! С тех пор как по русским землям прошел слух, будто Анастасии Романовне была некогда предсказана преподобным Геннадием ее царственная участь, все мамы только и знали, что искали для своих толстомысых таких вот гададьщиков и гададьщиц, которые бы навевали им сладкие сны о будущем.

– А ты и поверила? – бросил пренебрежительно. – Мне вон тоже одна бабка посулила, что я на престол воссяду...

– И ты тоже поверил, – убежденно кивнула Анхен. – И правильно сделал. Быть тебе на престоле, даже не сомневайся.

Честно говоря, Бориска не слишком-то верил в успех, когда затевал эту интригу...

С помощью Бомелия Анхен была взята прислужницей во дворец. О нет, Бориска был не так глуп, чтобы напрямую пригрозить Бомелию: мол, известна его тайна. Как раз и схлопочешь себе смертоносного яду, причем и знать не будешь, когда и как его глотнешь. Просто Бориска сумел растолковать Бомелию выгоды иметь при государе человека, который будет ему всем обязан.

А тем временем Анна Колтовская, которая долго и трудно болела после неудачных родов, наскучила Ивану Васильевичу. Он был падок до женской любви, а тут на ложе родной жены не взойдешь... Бориска устроил дело так, что рыжая прислужница царицы попала на глаза государю, а на Анну Колтовскую была возведена напраслина – тайно-де принимает у себя в покоях мужчин... Разъяренный государь едва не убил жену и немедля спровадил надоевшую, болезненную, к тому же, как он теперь считал, распутную красавицу с глаз долой, повелев постричь ее в монахини.

На другой день к воротам Тихвинского монастыря подъехала телега, окруженная всадниками. Среди них был и Борис Годунов. Дно было слегка прикрыто соломой, на соломе лежал большой тулуп, из-под которого торчали босые, посиневшие – день стоял студень – женские ноги. Двери монастыря немедленно открылись: приблизительно за час до того в монастырь прибыл гонец, предупредивший игуменью о том, что здесь должно вскоре произойти.

Начался обряд пострижения в монахини бывшей царицы Анны Колтовской. Половину времени она была словно в забытии, но вдруг очнулась и закричала:

– Нет! Что вы делаете?! Я царица! Отпустите меня!

Годунов был к этому готов. Он проворно шагнул вперед, вцепился ей в плечи, вздернул на ноги, сунул обратно в кресло. Беспощадно намотав на руку растрепавшиеся косы, заставил закинуть голову и сунул в рот кляп, который, очевидно, был загодя приготовлен, потому что Борис выхватил его из-за пазухи.

Испуганные монахини заворуженно смотрели на его красивое, смуглое, точеное лицо. Оно исказилось такой жестокостью и злорадством, что сестрам Христовым почудилось, будто они воочию зрят тот страшный миг, когда человеком безраздельно овладевает дьявол. Но спустя мгновение черты Годунова стали прежними, спокойными и печальными, однако он уже не отпускал волосы женщины, держал крепко, словно натягивал поводья уросливой лошади.

Епископ из глубины храма напевно вопрошал, по собственной ли воле раба Божия Анна отрекается от мира, добровольно ли дает ли она обет строго соблюдать правила иночества. Анна была без памяти и ответить не могла, тогда Годунов громким, ясным голосом ответил:

– По собственной! По доброй!

Через несколько минут ее нарекли смиренной инокиней Дарией и, все еще беспмятную, вынесли из храма на руках.

Годунов же поспешил вскочить в седло и погнал коня к Москве, сам потрясенный тем, что с ним происходило. Игра, затеянная как бы наудачу, обернулась такими переворотами в судьбах людей и даже державы, что Годунов ощущал некоторую оторопь. Потер ладонью грудь против сердца, которое так и ныло от тревоги. Ему удалось избавиться от Анны Колтовской. Однако царь увлекся Анхен, Аннушкой Васильчиковой, и приказал привести ее к себе на ложе!

«Неисповедимы пути Господни», – только и подумал Годунов. И так, она оказалась права, эта рыжая ведьмина дочка, когда прочила себе участь царицы. Неужели сбудется и второе предсказание? Относительно него, Бориски?

А тем временем был перехвачен тайный гонец ордена иезуитов, и вскрылась правда о Бомелии. Его поволокли в узилище. Государь видел теперь в человеке, которому раньше безоговорочно доверял, польского и ливонского лазутчика, врага – и жаждал его уничтожения.

Бомелия подвергли жестоким пыткам: ему почти не давали пить, ведь он был лютый волхв и чародей, а русские верили, что чародеи могут уйти из тюрьмы с помощью самого малого количества воды и нарисованной на стенке лодки, поэтому их истомляли жаждою. Под пытками бывший архиятер оговорил перед царем очень многих ни в чем не виновных князей, воевод, опричников. Всех их ждали пытки и страшные казни.

Однако он ни слова не сказал о Борисе Годунове. Нет, вовсе не добрые чувства к молодому выскочке пробуждали упорство и мужество Елисея Бомелия. Звездочтец, звездоволхвователь и провидец, твердо знавший, что светила небесные никогда не лгут, надеялся, что они сказали правду и пророча участь Годунова. Ведь самонадеянному Бориске предстояло через четверть века не только воссесть на русском престоле, но и грешным беззаконием своим ввергнуть Россию в пучину таких бедствий, такой кровавой смуты, от которой она, как истово надеялся Элизиус Бомелиус, не оправится уже никогда. С этой несбыточной, безумной, постыдной надеждой он и вручил наконец душу своему немилосердному, лукавому иезуитскому богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.